

АВТОР О СЕБЕ

Родился в июле 1926 года в Подмосковье, в деревне Кирилловке, где и воспитывался у бабушки и деда до десятилетнего возраста.

Бабушка — воплощение доброты — маленькая, худенькая, любившая меня без меры (при живых разошедшихся родителях она считала меня сиротой), была и осталась самым светлым человеком в моей жизни.

Дед являл собой полную противоположность: огромный, феноменальной силы и, мягко говоря, суровости человек со сломанной судьбой. В двадцать пять лет он вернулся с Русско-японской войны кавалером двух Георгиевских крестов и спустя неделю, в престольный праздник, в пьяной драке на речке на льду ударами кулаков в головы убил двух молодых парней из соседнего села. Каторгу он отбывал на рудниках под Нерчинском — как рассказывала впоследствии бабушка, первые три года был подземным кандалником, прикованным цепью к тачке. Когда началась мировая война, он, как и многие осужденные, написал прошение царю и был отправлен на фронт, где в 1916 году стал полным Георгиевским кавалером. На родину в Саратовскую губернию он не вернулся и поселился под Москвой. Каторга ему дала многое: он был отменный плотник и кузнец, скоро и добротнo ставил избы, клал русские печи и голландки — к нему постоянно обращались из окрестных и дальних деревень.

Мне исполнилось, наверно, три года, когда он решил заняться моим трудовым воспитанием. Я должен был постоянно находиться рядом с ним, ловить его команды, подавать ему инструмент, бегать по его поручениям — именно бегать, а не ходить — и сопровождать его, причем и в четыре года, и в десять лет, если меня нечем было нагрузить, чтобы я не бездельничал, он давал мне в качестве поноски свой картуз. Это была весьма суровая школа; когда, к примеру, в четырехлетнем возрасте я по глупости сорвал с клумбы в соседском палисаде одну или две розы, дед солдатским ремнем выпорол меня так, что я потерял сознание и потом неделю пролежал на животе. С пяти лет

он порол меня систематически, без какой-либо причины и весьма жестоко, чтобы, как он говорил, «добавить ума»; при этом мне категорически запрещалось плакать.

Я рассказываю о своем дедe подробно потому, что в детстве, в огромном непонятном еще мире, он был главным для меня человеком и то, что он постоянно, год за годом вбивал в мое сознание, безусловно, осталось и живет в памяти по сей день. Некоторые из его постулатов сегодня, своим языком, я сформулировал бы так:

«Ты пришел в эту жизнь, где ты никому не нужен. Не жди милости от людей или от Бога, — тебе никто и ничего не должен! Надейся только на самого себя, вкалывай в поте лица, выживай!»

«Чем бы ты ни занимался, выкладывайся в отделку. Делай все добросовестно, хорошо и по возможности лучше других».

«Власть — зло. Держись подальше от начальства! У них своя жизнь, а у тебя своя!»

«Никогда ни к кому не лезь! Не угодничай, не подлаживайся и никогда не бойся. Не давай себя в обиду. Пусть лучше тебя убьют, чем унижат!»

В жизни сложилось так, что дед, война и армия, особенно зрелые и пожилые солдаты, сержанты и офицеры — некоторые из них были старше меня на 30 и даже на 35 лет, — оказались в детстве и в юности моими главными учителями, можно сказать, что они меня воспитали и сформировали мой характер и мои убеждения — жажда познания, и, в частности, чтение книг, овладела мною уже в совершеннолетнем возрасте, точнее, после войны.

В 1936 году, после гибели деда — на строительстве картофелехранилища свалившимся бревном ему перебило позвоночник, — мать взяла меня в Москву. Воспоминания о предвоенной жизни в столице тусклы и безрадостны — в такой бедности, точнее, нищете, как в подростковом возрасте, я никогда больше не оказывался.

Начало войны я воспринял по недомыслию с мальчишеским оживлением и подъемом. Отправиться в армию меня подбили двое приятелей, оба были старше меня, они и надумили прибавить себе два года, что сделать при записи добровольцем было просто. Спустя три месяца, в первом же бою, когда залегшую на мерзлом поле роту накрыло залпом немецких минометов, я пожалел об этой инициативе. Оглушенный разрывами, я приподнял голову и увидел влево и чуть впереди бойца, которому осколком пропоролло шинель и брюшину; лежа на боку, он безуспешно пытался поместить в живот вывалившиеся на землю кишки. Я стал взглядом искать командиров и обнаружил впереди — по сапогам — лежавшего ничком взводного — у него была

снесена затылочная часть черепа. Всего же во взводе одним залпом из 30 человек убило 11. Эта картина живет во мне уже шестое десятилетие — такого страха и ощущения безнадежности, как в эти минуты, я никогда больше не испытывал.

Спустя недели я привык ко всему и тяготы войны и окопной жизни переносил легче многих других. Как с малолетства приучил меня дед, я делал все добросовестно, без промедления выполнял команды и, несмотря на малое образование и возраст, постепенно рос. Я был последовательно рядовым, командиром отделения, помкомвзвода, командиром взвода — стрелкового, автоматчиков, пешей разведки, — в конце войны исполнял должности командира роты.

Война, армия и послевоенное офицерство в смысле познания людей и жизни дали мне чрезвычайно много. Я побывал в десятках областей России, Украины и Белоруссии, в Прибалтике, Польше, Германии и Маньчжурии — в сотнях городов и других населенных пунктов. Это был необычайно насыщенный опыт — к примеру, только за лето и осень 1945 года мне довелось наблюдать немцев в Германии, китайцев в Маньчжурии, японцев на Южном Сахалине, чукчей и эскимосов на Чукотке.

Как офицер я был на хорошем счету, служилось легко, и меня ничуть не насторожило словосочетание в очередной сугубо положительной послевоенной аттестации: «...наряду с тем допускает элементы невыдержанности — в разговоре со старшими высказывает собственное несогласное мнение, на что ему дважды указывалось».

Как человек с малым образованием, я собирал и записывал афоризмы, изречения известных людей и, в частности, выловил высказывание второго тогда в государстве лица — Г. Маленкова: «В сложной ситуации не только коммунист, но и каждый советский человек должен поступать так, как ему подсказывают его совесть и его убеждения». Я проносил этот афоризм в записной книжке около года, а потом при случае реализовал: в Германии на офицерском совещании по поводу чрезвычайного происшествия с весьма громкой оглаской выступил в защиту малознакомого офицера — его дружно делали козлом отпущения (и, разумеется, сделали).

Меня пытались остановить, но я процитировал Маленкова и продолжал говорить. Я высказал свое «несогласное мнение» в лицо начальникам и — более того — заявил об их ответственности за произошедшее. На четвертые сутки я был арестован и освобожден только спустя 13 месяцев — без суда и без каких-либо извинений. Мне возвратили удостоверение личности, комсомольский билет, расчетную и вещевую книжки и через неделю выплатили денежное довольствие за 14 месяцев.

Я потерял в весе 9 килограммов, мне полагался отпуск за два года, и вместе с должностями в Прикарпатском округе мне предлагали путевку в военный санаторий. Я ни на что не соглашался, будучи убежден, что государство или армия должны принести мне официальные извинения, однако все делали вид, что ничего не произошло. Я обратился в военную прокуратуру, от нетерпения дал весьма энергичную телеграмму и вскоре получил ответ на форменном бланке с подписью, заверенной гербовой печатью. Полковник юстиции, словно не заметив моих конкретных вопросов, сообщил, что проведенные мною в тюремных камерах 13 месяцев (из них 9 месяцев в карцерных одиночках) являются «стажем службы на должностях офицерского состава Советской Армии» и только так должны быть отражены в личном деле и других документах.

На следующий день я написал рапорт об увольнении, дав себе слово больше никогда нигде не служить и не состоять, — эту клятву я неукоснительно держал, что во многом предопределило анахоретский образ моей жизни и занятие литературой. Я решил также по возможности дистанцироваться — свести до минимума контакты с государством и всеми его учреждениями — эта линия поведения соблюдается мною уже пятое десятилетие.

Я разделял и разделяю понятия Отечество, Россия и государство, и когда относительно последнего у меня неоднократно возникало сомнение — а правильно ли я выстроил с ним свои отношения? — я доставал справку прокуратуры, и сразу все становилось на свои места.

В Москву, где перед войной окончил семилетку, я вернулся в полной неопределенности. Если в армии на различных должностях я вполне соответствовал, то как найти свое место в гражданской жизни с таким образованием и принятым решением «не служить и не состоять», я совершенно не представлял. Перед увольнением я прошел положенное госпитальное обследование, и при этом в затылочной части головы были обнаружены два мелких осколка, — я проносил их без малого десятилетие, ничуть о том не подозревая: в войну в медсанбатах и госпиталях мне ни разу не делали рентген черепа. Меня уволили по собственному желанию, хотя, как выяснилось в Москве, должны были комиссовать, поскольку эти крохотные кусочки металла являлись основанием для назначения пенсии. Я ее оформил и получал восемь лет, все это время занимаясь самообразованием.

По сути, я делал привычное, то же самое, что и в армии: собирал, классифицировал, сопоставлял и анализировал тематическую информацию — в войсковой разведке это называется «массированием компетенции». Я очень много читал, в том числе и о войне, меня коробило от множества нелепейших несуразностей, особенно в художествен-

ной литературе, полагаю, именно это побудило меня написать повесть «Иван». С одной стороны, это трагическая судьба двенадцатилетнего мальчика на войне, с другой — профессионально точное описание «зеленой тропы», переброски через линию фронта разведчика, в данном случае юного героя повести.

4.04.58 г. я отправил почтой по экземпляру рукописи в редакции журналов «Юность» и «Знамя», ровно через месяц, в один день, мне сообщили о решении этих редакций опубликовать повесть. В «Знамени», чтобы опередить «Юность», вынули из готовой корректуры десятки страниц, и досылком «Иван» был опубликован в июньском номере журнала. Это оказалось неожиданностью — перед тем «Ивана» через третьих лиц показали опытнейшему старшему редактору издательства «Художественная литература», кандидату наук, и он на листе бумаги написал сугубо отрицательный отзыв. Он обнаружил в «Иване» «влияние Ремарка, Хемингуэя и Олдингтона» и вчинил мне модное тогда обвинение в «окопной правде». Приговор его был беспелляционным: «Эту повесть или рассказ никто и никогда не напечатает». Этот вердикт по сей день хранится у меня в кабинете, рядом с полками, где находятся 218 публикаций переведенного более чем на сорок языков «Ивана».

Издательская моя судьба, в отличие от офицерской, сложилась довольно благополучно. Трудности возникли только при публикации романа «Момент истины» («В августе сорок четвертого...»). Редакция «Юности» отправила несколько экземпляров рукописи на так называемые «экспертноконсультационные чтения» — было получено четыре официальных заключения Главных управлений КГБ и Министерства обороны. Во всех, как по сговору, требовали изъять целиком две главы: со Сталиным и эпизод с генералами, а также убрать в остальном тексте отдельные абзацы и фразы.

Я не отдал ни одного слова, но противостояние длилось более года. Эти люди уловили в рукописи то, что впоследствии высказывали наиболее компетентные читатели и кратко сформулировал К. Симонов: «Это роман не о военной контрразведке. Это роман о советской государственной и военной машине сорок четвертого года и типичных людях того времени».

С июня 1959 года в течение более двух десятилетий меня многажды письменно и устно приглашали вступить в Союз писателей — Г. Березко, С. Щипачев, Л. Соболев, Ю. Бондарев, С. С. Смирнов, К. Симонов, С. Наровчатов, В. Карпов и др. Несколько раз предлагали оформить членство без прохождения приемной комиссии — «решением Секретариата».

Каждого, кто меня вербовал, я спрашивал: «Если я вступлю, стану ли я писать лучше, смогу ли сделать лучше хоть одну фразу?» Мне отвечали примерно одинаково, что писать лучше я не стану, но у меня будет поликлиника, дома творчества, какие-то ссуды, зарубежные поездки, талоны на покупку автомобиля. С. Наровчатов всерьез сказал мне, что в Союзе писателей есть какой-то старик-еврей, ритуальный агент, и если я стану членом, он меня «хорошо, достойно похоронит». Ни в чем этом я не нуждался, за предложения благодарил и, естественно, отказывался.

Трижды меня вербовали в Союз кинематографистов; в 1962 году — И. Пырьев, в 1967 году — Г. Марьямов, в 1988 году — А. Смирнов.

В 1963 году меня пригласил в ЦК КПСС завсектором литературы И. Черноуцан, в его кабинет тут же зашел заместитель заведующего идеологическим отделом Д. Поликарпов, и они сразу заговорили о членстве. Я им объяснил, что для того, чтобы писать прозу, достаточно иметь бумагу и ручку или карандаш, что же касается членского билета, то это на любителя. Я сказал им, что если Союз писателей действительно организация добровольная, то тут нет предмета для разговора.

Замечу, что я никогда не считал себя лучше или умнее членом КПСС или творческих объединений, просто у них была своя жизнь, а у меня — своя, и любая иная оказалась бы неприемлемой. Я никогда не предлагал другим свой опыт, к сожалению никем не повторенный, однако исключать его не следует. У меня — с переводными — около двухсот только отдельных книжных изданий моих произведений — четыре полки, — не считая более трехсот различных сборников и антологий, где опубликованы мои повести и рассказы, причем и после громогласно объявленной смерти советской литературы меня издают и переводят, как и раньше.

Опыт мой свидетельствует: для того, чтобы быть в литературе, для того, чтобы твои произведения бесперебойно выходили в свет и через 20, и через 35 лет после первой публикации, совершенно необязательны ни какое-либо членство, ни участие в литературных группировках, ни общественная деятельность — она десятилетиями сводилась и сводится к обслуживанию, поддержке и, более того, восславлению правящего режима — совершенно необязательны ни подмахивание конъюнктуры, ни пресмыкательство перед властью имущими, ни мелькание в средствах массовой информации, ни элементы паблисити — все это ненужная корыстная суэта...

**МОМЕНТ ИСТИНЫ
В АВГУСТЕ
СОРОК ЧЕТВЕРТОГО...**

1. АЛЕХИН, ТАМАНЦЕВ, БЛИНОВ

Их было трое, тех, кто официально, в документах, именовались «оперативно-разыскной группой» Управления контрразведки фронта. В их распоряжении была машина, потрепанная, выдавшая виды полуторка «ГАЗ-АА» и шофер, сержант Хижняк.

Измученные шестью сутками интенсивных, но безуспешных поисков, они уже затемно вернулись в Управление, уверенные, что хоть завтрашний день смогут отоспаться и отдохнуть. Однако, как только старший группы, капитан Алехин, доложил о прибытии, им было приказано немедленно отправиться в район Шиловичей и продолжать розыск. Часа два спустя, заправив машину бензином и получив во время ужина энергичный инструктаж специально вызванного офицера-минера, они выехали.

К рассвету позади осталось более ста пятидесяти километров. Солнце еще не всходило, но уже светало, когда Хижняк, остановив полуторку, ступил на подножку и, перегнувшись через борт, растолкал Алехина.

Капитан — среднего роста, худощавый, с выцветшими, белесоватыми бровями на загорелом малоподвижном лице — откинул шинель и, поеживаясь, приподнялся в кузове. Машина стояла на обочине шоссе. Было очень тихо, свежо и росисто. Впереди, примерно в полтора километрах, маленькими темными пирамидками виднелись хаты какого-то села.

— Шиловичи, — сообщил Хижняк. Подняв боковой щиток капота, он склонился к мотору. — Подъехать ближе?

— Нет, — сказал Алехин, осматриваясь. — Хорош.

Слева протекал ручей с отлогими сухими берегами. Справа от шоссе, за широкой полосой жнивья и кустарниковой порос-

лью, тянулся лес. Тот самый лес, откуда каких-нибудь одиннадцать часов назад велась радиопередача. Алехин в бинокль с полминуты рассматривал его, затем стал будить спавших в кузове офицеров.

Один из них, Андрей Блинов, светлоголовый, лет девятнадцати лейтенант, с румяными ото сна щеками, сразу проснувшись, сел на сене, потер глаза и, ничего не понимая, устался на Алехина.

Добудиться другого — старшего лейтенанта Таманцева — было не так легко. Он спал, с головой завернувшись в плащ-палатку, и, когда его стали будить, натянул ее туго, в полусне дважды лягнул ногой воздух и перевалился на другой бок.

Наконец он проснулся совсем и, поняв, что спать ему больше не дадут, отбросил плащ-палатку, сел и, угрюмо оглядываясь темно-серыми, из-под густых сросшихся бровей глазами, спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Где мы?..

— Идем, — позвал его Алехин, спускаясь к ручью, где уже умывались Блинов и Хижняк. — Освежись.

Таманцев взглянул на ручей, сплюнул далеко в сторону и вдруг, почти не притронувшись к краю борта, стремительно подбросив свое тело, выпрыгнул из машины.

Он был, как и Блинов, высокого роста, однако шире в плечах, уже в бедрах, мускулистей и жилистей. Потягиваясь и хмуро поглядывая вокруг, он сошел к ручью и, скинув гимнастерку, начал умываться.

Вода была холодна и прозрачна, как в роднике.

— Болотом пахнет, — сказал, однако, Таманцев. — Заметьте, во всех реках вода отдает болотом. Даже в Днепре.

— Ты, понятно, меньше чем на море не согласен! — вытирая лицо, усмехнулся Алехин.

— Именно!.. Вам этого не понять... — с сожалением посмотрев на капитана, вздохнул Таманцев и, быстро оборачиваясь, начальственным баском, но весело вскричал: — Хижняк, завтрака не вижу!

— Не шуми. Завтрака не будет, — сказал Алехин. — Возьмете сухим пайком.

— Веселенькая жизнь!.. Ни поспать, ни пожать...

— Давайте в кузов! — перебил его Алехин и, оборачиваясь к Хижняку, предложил: — А ты пока погуляй...

Офицеры забрались в кузов. Алехин закурил, затем, вынув из планшетки, разложил на фанерном чемодане новенькую крупномасштабную карту и, примерясь, сделал повыше Шиловичей точку карандашом.

— Мы находимся здесь.

— Историческое место! — фыркнул Таманцев.

— Помолчи! — строго сказал Алехин, и лицо его стало официальным. — Слушайте приказ!.. Видите лес?.. Вот он. — Алехин показал на карте. — Вчера в восемнадцать ноль пять отсюда выходил в эфир коротковолновый передатчик.

— Это что, все тот же? — не совсем уверенно спросил Блинов.

— Да.

— А текст? — тотчас осведомился Таманцев.

— Предположительно передача велась вот из этого квадрата, — будто не слыша его вопроса, продолжал Алехин. — Будем...

— А что думает Эн Фэ? — мгновенно справился Таманцев.

Это был его обычный вопрос. Он почти всегда интересовался: «А что сказал Эн Фэ?.. Что думает Эн Фэ?.. А с Эн Фэ вы это прокачали?..»

— Не знаю, его не было, — сказал Алехин. — Будем осматривать лес...

— А текст? — настаивал Таманцев.

— Будем осматривать лес! — повысив голос, твердо повторил Алехин. — Нужны следы — свежие, суточной давности. Смотрите и запоминайте свои участки.

Едва заметными линиями карандаша он разделил северную часть леса на три сектора и, показав и подробно объяснив офицерам ориентиры, продолжал:

— Начинаем от этого квадрата — здесь смотреть особенно тщательно! — и двигаемся к периферии. Поиски вести до девятнадцати ноль-ноль. Оставаться в лесу позже — запрещаю! Сбор у Шиловичей. Машина будет где-нибудь в том подлеске. — Алехин вытянул руку; Андрей и Таманцев посмотрели, куда он ука-

зывал. — Погоны и пилотки снять, документы оставить, оружие на виду не держать! При встрече с кем-либо в лесу действовать по обстоятельствам.

Расстегнув ворот гимнастерок, Таманцев и Блинов снимали погоны; Алехин затаился и продолжал:

— Ни на минуту не расслабляться! Все время помнить о минах и о возможности внезапного нападения. Учтите: в этом лесу убили Басоса.

Отбросив окурок, он взглянул на часы, поднялся и приказал:

— Приступайте!

2. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ¹

СВОДКА

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла действующей Красной Армии.

Копия: начальнику Управления контрразведки Смерш² фронта

13 августа 1944 г.

Оперативная обстановка на фронте и в тылах фронта в течение пятидесяти суток с момента начала наступления (по 11 августа включительно) характеризовалась следующими основными факторами:

— успешными наступательными действиями наших войск и отсутствием при этом сплошной линии фронта. Освобождением всей территории БССР и значительной части территории Литвы, свыше трех лет находившихся под немецкой оккупацией;

— разгромом группы вражеских армий „Центр“, насчитывавшей в своем составе около 50 дивизий;

---

¹ Здесь и далее грифы, указывающие степень секретности документов, резолюции должностных лиц и служебные пометки (время отправления, кто передал, кто принял и другие), а также номера документов опускаются. В документах (и в тексте романа) изменены несколько фамилий, названия пяти небольших населенных пунктов и действительные наименования воинских частей и соединений. В остальном документы в романе текстурально идентичны соответствующим подлинным документам.

² *Смерш* (сокр. от «Смерть шпионам!») — название советской военной контрразведки в 1943–1945 гг. Полное наименование: контрразведка Смерш НКО СССР. Органы Смерша подчинялись непосредственно Верховному главнокомандующему, наркомону обороны И. В. Сталину.

— засоренностью освобожденной территории многочисленной агентурой контрразведывательных и карательных органов противника, его пособниками, изменниками и предателями Родины, большинство из которых, избегая ответственности, перешли на нелегальное положение, объединяются в банды, скрываются в лесах и на хуторах;

— наличием в тылах фронта сотен разрозненных остаточных групп солдат и офицеров противника;

— наличием на освобожденной территории различных подпольных националистических организаций и вооруженных формирований; многочисленными проявлениями бандитизма;

— производимыми Ставкой перегруппировкой и сосредоточением наших войск и стремлением противника разгадать замыслы советского командования, установить, где и какими силами будут нанесены последующие удары.

Сопутствующие факторы:

— обилие лесистой местности, в том числе больших чащобных массивов, служащих хорошим укрытием для остаточных групп противника, различных бандформирований и лиц, уклоняющихся от мобилизации;

— большое количество оставленного на полях боев оружия, что дает возможность враждебным элементам без труда вооружаться;

— слабость, неукомплектованность восстановленных местных органов советской власти и учреждений, особенно в низовых звеньях;

— значительная протяженность фронтовых коммуникаций и большое количество объектов, требующих надежной охраны;

— выраженный некомплект личного состава в войсках фронта, что затрудняет получение поддержек от частей и соединений при проведении операций по очистке войсковых тылов.

Остаточные группы немцев

Разрозненные группы солдат и офицеров противника в первой половине июля стремились к одной общей цели: скрытно или с боями продвигаясь на запад, пройти сквозь боевые порядки наших войск и соединиться со своими частями. Однако 15–20 июля немецким командованием неоднократно шифрованными радиogramмами передавался приказ всем остаточным группам, имеющим рации и шифры, не форсировать переход линии фронта, а, наоборот, оставаясь в наших оперативных тылах, собирать и передавать шифром по радио сведения разведывательного характера, и прежде всего о дислокации, численности и передвижении частей Красной Армии. Для этого предложено, в частности,

используя естественные укрытия, вести наблюдение за нашими фронтовыми железнодорожными и шоссейно-грунтовыми коммуникациями, фиксировать грузопоток, а также захватывать одиночных советских военнослужащих, в первую очередь командиров, с целью допроса и последующего уничтожения.

*Подпольные националистические организации
и формирования*

1. По имеющимся у нас данным, в тылах фронта действуют следующие подпольные организации польского эмигрантского правительства в Лондоне: „Народовые силы збройне“, Армия крайова¹, созданная в последние недели „Неподлеглость“ и — на территории Литовской ССР, в р-не г. Вильнюса — „Делегатура Жонду“.

Ядро перечисленных нелегальных формирований составляют польские офицеры и подофицеры запаса, помещичье-буржуазные элементы и частично интеллигенция. Руководство всеми организациями осуществляется из Лондона генералом Соснковским через своих представителей в Польше: генерала Бур (графа Тадеуша Коморовского), полковников Гжегожа (Пелчинского) и Ниля (Фильдорфа).

Как установлено, лондонским Центром польскому подполью дана директива о проведении активной подрывной деятельности в тылах Красной Армии, для чего приказано сохранить на нелегальном положении большую часть отрядов, оружия и все приемо-передаточные радиостанции. Полковником Фильдорфом, посетившим в июне с. г. Виленский и Новогрудский округа, даны на местах конкретные распоряжения с приходом Красной Армии: а) саботировать мероприятия военных и гражданских властей; б) совершать диверсии на фронтовых коммуникациях и террористические акты в отношении советских военнослужащих, местных руководителей и актива; в) собирать и передавать шифром генералу Буру — Коморовскому и непосредственно в Лондон сведения разведывательного характера о Красной Армии и обстановке в ее тылах.

В перехваченной 28 июля с. г. и дешифрованной радиограмме лондонского Центра всем подпольным организациям предлагается не при-

---

¹ *Армия крайова (АК)* — подпольная вооруженная организация польского эмигрантского правительства в Лондоне, действовавшая на территории Польши, Южной Литвы и западных областей Украины и Белоруссии. В 1944–1945 гг., выполняя указания лондонского центра, многие отряды АК проводили подрывную деятельность в тылах советских войск: убивали бойцов и офицеров Красной Армии, а также советских работников, занимались шпионажем, совершали диверсии и грабили мирное население. Нередко аковцы были обмундированы в форму военнослужащих Красной Армии.

завать образованный в Люблине Польский комитет национального освобождения и саботировать его мероприятия, в частности мобилизацию в Войско Польское. Там же обращается внимание на необходимость активного ведения военной разведки в тылах действующих советских армий, для чего приказывается установить постоянное наблюдение за всеми железнодорожными узлами.

Наибольшую террористическую и диверсионную активность проявляют отряды „Волка“ (р-н Рудницкой пуци), „Крыся“ (р-н г. Вильнюса) и „Рагнера“ (около 300 чел.) в р-не г. Лида.

2. На освобожденной территории Литовской ССР действуют скрывающиеся в лесах и населенных пунктах вооруженные националистические бандгруппы так называемой ЛЛА, именующие себя „литовскими партизанами“.

Основу этих подпольных формирований составляют „белоповязчики“ и другие активные немецкие пособники, офицеры и младшие командиры бывшей литовской армии, помещичье-кулацкий и прочий вражеский элемент. Координируются действия указанных отрядов Комитетом литовского национального фронта, созданным по инициативе германского командования и его разведывательных органов.

Согласно показаниям арестованных участников ЛЛА, кроме осуществления жестокого террора в отношении советских военнослужащих и представителей местной власти литовское подполье имеет задачу вести оперативную разведку в тылах и на коммуникациях Красной Армии и незамедлительно передавать добытые сведения, для чего многие бандгруппы снабжены коротковолновыми радиостанциями, шифрами и немецкими дешифровальными блокнотами.

Наиболее характерные враждебные проявления
последнего периода

(с 1 по 10 августа включительно)

В Вильнюсе и его окрестностях, преимущественно в ночное время, убито и пропало без вести 11 военнослужащих Красной Армии, в том числе 7 офицеров. Там же убит майор Войска Польского, прибывший в краткосрочный отпуск для встречи с родными.

2 августа взорвана и сожжена водокачка на станции Бастуны.

2 августа в 4:00 в дер. Калитанцы неизвестными зверски уничтожена семья бывшего партизана, находящегося ныне в рядах Красной Армии, Макаревича В. И., — жена, дочь и племянница 1940 г. р.

3 августа в р-не Жирмуны, в 20 км севернее г. Лида, бандгруппой власовцев обстреляна автомашина — убито 5 красноармейцев, тяжело ранены полковник и майор.

В ночь на 5 августа в трех местах взорвано полотно железной дороги между станциями Неман и Новоельня.

5 августа 1944 г. в с. Турчела (30 км южнее Вильнюса) брошенной в окно гранатой убит коммунист, депутат сельского Совета.

7 августа в р-не с. Войтовичи подверглась нападению из заранее подготовленной засады автомашина 39-й армии. В результате убито 13 человек, 11 из них сожжено вместе с машиной. Два человека уведены в лес бандитами, захватившими также оружие, обмундирование и все личные служебные документы.

6 августа прибывший на побывку в с. Радунь сержант Войска Польского в ту же ночь похищен неизвестными.

8 августа на перегоне Лида—Вильнюс пущен под откос воинский эшелон с боеприпасами.

10 августа в 4:30 литовской бандгруппой неустановленной численности совершено нападение на волостной отдел НКВД в местечке Сие-сики. Убито 4 работника милиции, освобождено из-под стражи 6 бандитов.

10 августа в с. Малые Солешиники расстреляны председатель сельсовета Василевский, его жена и 13-летняя дочь, пытавшаяся защитить отца.

Всего в тылах фронта за первую декаду августа убито, похищено и пропало без вести 169 военнослужащих Красной Армии. У большинства убитых забрано оружие, обмундирование и личные воинские документы.

За эти 10 суток убиты 13 представителей местных органов власти; в трех населенных пунктах сожжены здания сельсоветов.

В связи с многочисленными бандпроявлениями и убийствами военнослужащих нами и армейским командованием значительно усилены охранные мероприятия. Приказом командующего всему личному составу частей и соединений фронта разрешено выходить за пределы расположения части только группами не менее трех человек и при условии наличия у каждого автоматического оружия. Тем же приказом запрещено движение автомашин в вечернее и ночное время вне населенных пунктов без надлежащей охраны.

Всего с 23 июня по 11 августа с. г. включительно ликвидировано (не считая одиночек) 209 вооруженных групп противника и различных бандформирований, действовавших в тылах фронта. При этом захвачено: минометов — 22, пулеметов — 356, винтовок и автоматов — 3827, лошадей — 190, радиостанций — 46, в т. ч. 28 коротковолновых.

Начальник войск по охране тыла фронта генерал-майор Лобов».

МОМЕНТ ИСТИНЫ

ЗАПИСКА ПО ВЧ¹

«Срочно!»

Москва, Матюшину

В дополнение к № ... от 7.08.44 г.

Разыскиваемая нами по делу „Неман“ неизвестная радиостанция с позывными КАО (перехват от 7.08.44 г. был передан Вам незамедлительно) сегодня, 13 августа, выходила в эфир из леса в р-не Шиловичей (Барановичская обл.)².

Сообщая записанные сегодня группы цифр шифрованной радиограммы, настоятельно прошу Вас, учитывая отсутствие квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта, ускорить дешифровку как первого, так и второго радиоперехватов.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«Срочно!»

Начальнику Главного управления контрразведки Смерш

Спецсообщение

Сегодня, 13 августа, в 18:05 слежечными станциями вторично зафиксирован выход в эфир неизвестной коротковолновой радиостанции с позывными КАО, действующей в тылах фронта.

Место выхода передатчика в эфир определяется как северная часть Шиловичского лесного массива. Рабочая частота радиостанции — 4627 кГц. Записанный перехват — радиограмма, шифрованная группами пятизначных цифр. Скорость и четкость передачи свидетельствуют о высокой квалификации радиста.

До этого выход радиостанции с позывными КАО в эфир фиксировался 7 августа с. г. из леса юго-восточнее Столбцов.

Проведенные в первом случае розыскные мероприятия не дали положительных результатов.

Представляется вероятным, что передачи ведутся агентами, оставленными противником при отступлении или же переброшенными в тылы фронта.

Не исключено, однако, что радиостанция с позывными КАО используется одной из подпольных групп Армии крайовой.

Также не исключено, что передачи ведутся одной из остаточных групп немцев.

¹ ВЧ (точное наименование: ВЧ-связь) — высокочастотная телефонная связь.

² С 20 сентября 1944 г. Гродно, Лида и р-н Шиловичей — Гродненская обл.

Нами предпринимаются меры к отысканию в Шиловичском лесном массиве точного места выхода разыскиваемой рации в эфир, обнаружению следов и улик. Одновременно делается все возможное для выявления сведений, способствовавших бы установлению и задержанию лиц, причастных к работе передатчика.

На оперативную пеленгацию рации в случае ее выхода в эфир нацелены все радиоразведывательные группы фронта.

Непосредственно по делу работает оперативная группа капитана Алехина.

На розыск рации и лиц, причастных к ее работе, нами ориентированы все органы контрразведки фронта, начальник войск по охране тыла, а также Управления контрразведки соседних фронтов.

Егоров».

3. ЧИСТИЛЬЩИК¹ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТАМАНЦЕВ, ПО ПРОЗВИЩУ СКОРОХВАТ

С утра у меня было жуткое, прямо-таки похоронное настроение — в этом лесу убили Лешку Басоса, моего самого близкого друга и, наверное, лучшего парня на земле. И хотя погиб он недели три назад, я весь день невольно думал о нем.

Я находился тогда на задании, а когда вернулся, его уже похоронили. Мне рассказали, что на теле было множество ран и тяжелые ожоги, — перед смертью его, раненого, крепко пытали, видимо стараясь что-то выведать, кололи ножами, прижигали ступни, грудь и лицо. А затем добились двумя выстрелами в затылок.

В школе младшего комсостава пограничных войск почти год мы спали на одних нарах, и его затылок с такими знакомыми мне двумя макушками и завитками рыжеватых волос на шее с утра маячил у меня перед глазами.

Он воевал три года, а погиб не в открытом бою. Где-то здесь его подловили — так и неизвестно — кто! — подстрелили, види-

---

¹ *Чистильщик* (от «чистить» — очищать районы передовой и оперативные тылы от вражеской агентуры) — жаргонное обозначение разыскника военной контрразведки. Здесь и далее преимущественно специфичный, узкопрофессиональный жаргон разыскников военной контрразведки.

мо из засады, мучили, жгли, а затем убили. Как ненавидел я этот проклятый лес! Жажда мести — встретить бы и посчитаться! — с самого утра овладела мной.

Настроение настроением, а дело делом — не поминать же Лешку и даже не мстить за него мы сюда приехали.

Если лес под Столбцами, где мы искали до вчерашнего полудня, война как бы обошла стороной, то здесь было совсем наоборот.

В самом начале, метрах в двухстах от опушки, я наткнулся на обгоревший немецкий штабной автомобиль. Его не подбили, а сожгли сами фрицы: деревья тут совсем зажали тропу и ехать стало невозможно.

Немного погодя я увидел под кустами два трупа. Точнее, зловонные скелеты в полуистлевшем темном немецком обмундировании — танкисты. И дальше на заросших тропинках этого глухого, чащобного леса мне то и дело попадались поржавевшие винтовки и автоматы с вынутыми затворами, испятнанные кровью грязно-рыжие бинты и вата, брошенные ящики и пачки с патронами, пустые консервные банки и обрывки бумаг, фрицевские походные ранцы с рыжеватым верхом из телячьих шкур и солдатские каски.

Уже после полудня в самой чащобе я обнаружил два могильных холмика месячной примерно давности, успевшие осесть, с наспех сколоченными березовыми крестами и надписями, выжженными готическими буквами на светлых поперечинах:

Karl von Tielen
Major
1916–1944

Otto Mader
Oberleutnant
1905–1944

Свои кладбища при отступлении они чаще всего перепачивали, уничтожали, опасаясь надругательств. А тут, в укромном месте, пометили все чин чинном, очевидно рассчитывая еще вернуться. Шутники, нечего сказать...

Там же, за кустами, валялись санитарные носилки. Как я и думал, эти фрицы только кончились здесь — их несли, раненых, десятки, а может, сотни километров. Не пристрелили, как случилось, и не бросили — это мне понравилось.

За день мне встретились сотни всевозможных примет войны и поспешного немецкого отступления. Не было в этом лесу, пожалуй, только того, что нас интересовало, — свежих, суточной давности, следов пребывания здесь человека.

Что же касается мин, то не так страшен черт, как его малюют. За весь день я наткнулся лишь на одну, немецкую противопехотную.

Я заметил блеснувшую в траве тоненькую стальную проволоку, натянутую поперек тропы сантиметрах в пятнадцати от земли. Стоило мне ее задеть — и мои кишки и другие остатки повисли бы на деревьях или еще где-нибудь.

За три года войны бывало всякое, но самому разряжать мины приходилось считанные разы, и на эту я не считал нужным тратить время. Обозначив ее с двух сторон палками, я двинулся дальше.

Хотя за день мне попалась только одна, сама мысль, что лес местами минирован и в любое мгновение можно взлететь на воздух, все время давила на психику, создавая какое-то паскудное внутреннее напряжение, от которого я никак не мог избавиться.

После полудня выйдя к ручью, я скинул сапоги, расстелил на солнце портянки, умылся и перекусил. Напился и минут десять лежал, уперев приподнятые ноги в ствол дерева и размышляя о тех, за кем мы охотились.

Вчера они выходили в эфир из этого леса, неделю назад — под Столбцами, а завтра могут появиться в любом месте: за Гродно, под Брестом или где-нибудь в Прибалтике. Кочующая рация — Фигаро здесь, Фигаро там... Обнаружить в таком лесу место выхода — все равно что отыскать иголку в стоге сена. Это тебе не мамочкина бахча, где каждый кавун знаком и лично симпатичен. И весь расчет, что будут следы, будет зацепка. Черта лысого — почему они должны наследить?.. Под Столбцами мы что, не старались?.. Землю носом рыли! Вятером, шестеро суток!.. А толку?.. Как говорится, две консервные банки плюс дыра от баранки! А этот массивчик побольше, поглуше и засорен изрядно.

Сюда бы приехать с толковой псиной вроде Тигра, что был у меня перед войной. Но это тебе не на границе. При виде служебной собаки каждому становится ясно, что кого-то разыски-

вают, и начальство собак не жалуется. Начальство, как и все мы, озабочено конспирацией.

К концу дня я опять подумал: нужен текст! В нем почти всегда можно уловить хоть какие-то сведения о районе нахождения разыскиваемых и о том, что их интересует. От текста и следует танцевать.

Я знал, что с дешифровкой не ладилось и перехват сообщили в Москву. А у них двенадцать фронтов, военные округа и своих дел под завязку. Москве не укажешь: они сами себе начальники. А из нас душу вынут. Это уж как пить дать. Старая песенка: умри, но сделай!..

4. В ШИЛОВИЧАХ

Оставив Хижняка с машиной в густом подлеске близ деревни, Алехин заброшенным, заросшим травой огородом вышел на улицу. Первый встречный — конопатый мальчишка, спозаранок гонявший гуся у колодца, — показал ему хату «старшины» сельсовета. От соседних, таких же невзрачных, с замшелыми крышами хат ее можно было отличить лишь по тому, что вместо калитки в изгороди была подвешена дверца от немецкого автомобиля. Назвал мальчишка и фамилию председателя — Васюков.

Не обращая внимания на тощую собаку, хватавшую его за сапоги, Алехин прошел к хате. Дверь была закрыта и заперта изнутри. Он постучал.

Было слышно, как в хате кто-то ходил. Прошло с полминуты — в сенях послышался шум, медленные тяжелые шаги, и тут же все замерло. Алехин почувствовал, что его рассматривают, и, чтобы стоящий за дверью понял, что он не переодетый акковец и не «зеленый», а русский, вполголоса запел:

Вспомню я пехоту, и родную роту,
И тебя, того, кто дал мне закурить...

Наконец дверь отворилась. Перед Алехиным, глядя пристально и настороженно, опираясь на костыли и болезненно морщась, стоял невысокий, лет тридцати пяти мужчина, с бледным

СОДЕРЖАНИЕ

Автор о себе 5

МОМЕНТ ИСТИНЫ. В августе сорок четвертого...
Роман 11

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Иван 445
Зося 509
Первая любовь 561
Десять лет спустя 565
Академик Челышев 601

МИНИАТЮРЫ

А может, это и не вы... 617
Пиво 617
Истинная вера 618
Житейская философия 619
Не защитила 619
Сам писал! 619
Сосед по палате 620
Кругом люди 620
Участковый 622
Сосед по квартире 622
Воспитание чувств 623
Неподкупная 624
Надай! 624

СОДЕРЖАНИЕ

Случай в госпитале	626
Презрение	629
Второй сорт	629
Кладбище под Белостоком	632
Ожидание	633
Сердца моего боль	634